

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД НЭПА

Т. Г. Чебоксарова – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Омского юридического института, кандидат исторических наук

В условиях дефицита инженерно-технических работников (далее – специалисты) в стране, вызванного эмиграцией специалистов, декалфикацией технического персонала и замедлением пополнения промышленных предприятий новыми кадрами специалистов, требовалось проведение организационных мер по привлечению «буржуазных» специалистов на производство. Наряду с материальным стимулированием необходимо было и создание особого правового статуса специалиста на производстве.

На начальном этапе нэпа с учетом новых политических реалий формируется правовая база, регулирующая трудовые отношения. Ее основой стал Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г (далее – КЗоТ).

К числу основных правовых актов, регулирующих трудовые отношения, относились коллективные и индивидуальные трудовые договоры. Условия договоров не должны были ухудшать положение работников по сравнению с законодательством (ст. 4 КЗоТ).

Коллективный договор заключали ежегодно, поскольку этого требовала быстро изменяющаяся хозяйственная обстановка – условия коллективного договора могли оказаться не соответствующими ей. В договоре содержались основные положения по вопросам труда и заработной платы (размер тарифных ставок, положения о предоставлении дополнительных отпусков, о рабочем времени, времени отдыха, материальном стимулировании, охране труда и т. п.), установленные для данного предприятия, а также взаимные обязательства администрации и коллектива рабочих и служащих. Коллективные договоры заключали все специалисты, кроме административного персонала, пользующегося правом приема и увольнения (примечание к ст. 16 КЗоТ).

В дополнение к общему коллективному договору специалисты высшей квалификации, а также особо ценные специалисты могли заключать с

хозорганами предприятий индивидуальные договоры, содержащие дополнительные условия, выработанные самими договаривающимися сторонами. Так, заключение индивидуального договора являлось одним из условий для получения персональных ставок из спецфондов. В 1924 г НКТ СССР и ВЦСПС был представлен примерный типовой трудовой договор для лиц, получающих персональные оклады.

Условия, вырабатываемые договаривающимися сторонами при заключении договора, подразделялись на необходимые (фиксировалось поступление на работу специалиста, оговаривались функции, которые должен был выполнять специалист) и дополнительные (доплаты, право специалиста на квартиру, льготы по коммунальным услугам, средства передвижения, выписку технических журналов, научные командировки и т. п.).

Заключение индивидуального трудового договора также предполагало и взятие на себя администрацией и специалистами дополнительных обязательств. Например, администрация предприятия брала на себя обязательства по выплате дополнительных к ставке определенных сумм, тангьем, наградных и премиальных, а специалисты без предварительного согласия работодателя не могли принимать на себя обязанности в порядке совместительства.

Осенью 1927 г ВЦСПС разработал текст особого раздела коллективного договора «Об условиях труда инженерно-технических работников». ВЦСПС обращал внимание на то, что публикуемые пункты раздела не следовало рассматривать как исчерпывающие все условия труда и быта инженерно-технических работников.

Специальный раздел коллективного договора должен был фиксировать условия труда, материальное поощрение, распределение прав и обязанностей, правовую защиту, организацию мероприятий по повышению квалификации инженерно-технических работников и т. д.

Например, администрация предприятия должна была разработать и согласовать с инженерно-техническими секциями (далее – ИТС) детальные инструкции, точно определяющие права и обязанности по каждой инженерно-технической должности; специалистам запрещалась работа в установленные выходные дни; на хозорганы возлагались обязанности по составлению списков инженерно-технических должностей с ненормированным и сокращенным рабочим днем и предоставлению месячного отпуска специалистам с ненормированным рабочим днем. В случаях обвинения специалистов в бесхозяйственности или производственных ошибках специальный раздел фиксировал необходимость назначения ответственной экспертизы с участием ИТС.

Кроме того, раздел содержал и пункты, касающиеся бытовых условий специалистов. Так, «на предприятиях, требующих обеспечения близости во всякое время инженерно-технического работника, хозорган обязан предоставить таковому квартиру с отоплением, освещением и др. коммунальными услугами»¹.

Постановление СНК СССР от 20 июня 1927 г. «О мероприятиях по привлечению специалистов на работу в государственные промышленные предприятия вне крупных городских поселений» определяло дополнительные права специалистов при заключении трудовых договоров.

В частности, трудовые договоры со специалистами, работающими на предприятиях вне крупных городских поселений и вновь привлекаемыми, могли заключаться на срок до трех лет. Оговаривалось право специалистов на ежегодный месячный отпуск с возможностью суммирования отпусков за период до трех лет. Специалисты, проработавшие пять лет на предприятии, имели право на научные командировки на срок от трех до шести месяцев с сохранением содержания. Определялись права специалистов при досрочном увольнении, в случаях утраты специалистом трудоспособности и т. д.

На практике ненормированный рабочий день, отсутствие полноценных выходных и отпусков, четкого распределения прав и обязанностей, сложные взаимоотношения с хозорганами и рабочими и т. п. были повсеместным явлением.

Законы, постановления, как правило, носили директивный характер ввиду того, что в ситуации экономической разрухи, дефицита специалистов, негативного отношения к специалистам руководства предприятий и рабочих выполнить их было практически невозможно.

По данным анкетного исследования в 1927 г. по Сибири, рабочий день специалиста составлял в среднем 11 часов 38 минут². По отдельным районам продолжительность рабочего дня достигала 14–16 часов³. Особенно тяжелым было положение в горной промышленности. В частности, по данным Кузнецкого окружного бюро ИТС, продолжительность рабочего дня технического персонала в Кузнецком рудоправлении составляла 12–14 часов, на химзаводе «Кузбасс-уголь» рабочий день у большинства – 9–12 часов⁴. По данным союза металлургов Омска, в 1925 г. рабочий день, как правило, равнялся 10 часам, достигая порой 14–15 часов⁵. В Томске специалисты были в среднем загружены 10–12 часов⁶.

Определяющую роль в правовом положении специалистов на предприятиях играли хозяйственные органы, которые заключали договоры с работниками, а следовательно, и предлагали те условия, которые были выгодны и возможны в рамках конкретного предприятия. Так, не все хозяйственные органы соглашались на включение в индивидуальный договор пункта о предоставлении месячных отпусков специалистам⁷, поскольку производство не могло оставаться без инженерно-технических работников. В Автономной индустриальной колонии хозяйственные органы пытались ввести индивидуальные договоры в обязательном порядке с целью исключения ухода русских специалистов с предприятий из-за неравенства в оплате труда в пользу иностранных специалистов⁸.

Для предприятий Западной Сибири в период нэпа было характерно отсутствие четкого распределения прав и обязанностей специалистов. Это проявлялось во вмешательстве хозяйственных и партийных органов в сферу деятельности специалистов. На практике имели место распоряжения управляющего заводом непосредственно по цеху, даже технического порядка, без ведома главного инженера и заведующего цехом, а также случаи аналогичных распоряжений по цеху со стороны главного инженера без согласования с заведующим цехом и т. п.⁹

¹ *Инженерный труд*. 1927. № 12. С. 566.

² См.: *ГАНО*. Ф. 531. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 93. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 31. Л. 10.

⁶ См.: *ГАНО*. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 68. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 28. Л. 6.

⁹ См.: *Инженерный труд*. 1926. № 6. С. 239.

Кроме того, хозорганы пытались установить контроль над специалистами. Например, на заседании шахткома «Северокузбассугля» партийная ячейка выдвигала предложение о возможности приостанавливать те или иные мероприятия технического персонала, а также утверждать порядок постоянной отчетности инженеров и техников перед рудкомами, чтобы они были в курсе всех дел¹⁰.

Одной из попыток распределения прав и обязанностей специалистов, а также между ними и хозорганами стал циркуляр 1926 г № 33 ВСНХ СССР «О создании типовых положений о правах и обязанностях технического директора завода, заведующего цехом и производственного мастера по металлической и электротехнической промышленности». На основе положений предприятия должны были определить права и обязанности работников административно-технического персонала в виде индивидуальных договоров, инструкций, доверенностей и т. п.¹¹

В 1927 г циркуляр не был приведен в жизнь, а в других отраслях промышленности типовые положения регламентации прав и обязанностей находились на стадии длительной предварительной разработки¹². По оценкам ВМБИТ в 1929 г, циркуляры об улучшении правового положения специалистов на производстве выполнялись слабо¹³.

О правовом положении специалистов на предприятиях свидетельствуют судебные процессы по делам инженеров и техников. Судебные процессы были распространены в горной промышленности, поскольку данная отрасль была наиболее отсталой и требующей реорганизации, она не могла обойтись без чрезвычайных ситуаций, влекших за собой несчастные случаи и различного рода нарушения. Например, один из партийцев-хозяйственников шахт «Донугля» писал: «Все заведующие рудниками, заведующие горными работами, главный инженер находятся под судами, причем каждый имеет два-три, а некоторые и пять дел. В каждой выездной сессии окружного суда обязательно на скамье подсудимых сидят наши заведующие рудниками. Характерно отметить, что ни одного обвинительного приговора судом не вынесено»¹⁴.

В горных районах Западной Сибири с 1925 г количество судебных дел постоянно увеличивалось. За девять месяцев 1925 г в Анжеро-Судженском районе было два привлечения – один за непринятие мер предосторожности от произошедшего пожара на печах, другой – за несоблюдение технической безопасности, повлекшее гибель рабочего¹⁵. По секции металлостроителей в 1925 г в Томске был привлечен один инженерно-технический работник¹⁶. В 1927 г в Прокопьевске привлекли 54, а в Анжерске – 50 инженерно-технических работников¹⁷.

Специалисты обвинялись в допущении производственных ошибок, бесхозяйственности, нарушении техники безопасности, несчастных случаях.

Экономия на подготовительных работах, проводимая хозяйственными органами, ухудшала производственный процесс и влекла за собой массу производственных ошибок. В итоге инженерно-техническому персоналу приходилось переконструировать и переделывать в процессе выполнения работ. Например, в Кузбассстресте при постройке электростанции не было даже чертежей проекта¹⁸.

Причиной производственных ошибок являлась несогласованность в действиях специалистов и хозорганов. Так, на одной из шахт Кузбасса инженеру администрации было приказано сменить вагонетки легкого типа в 30 пудов на тяжелые в 70 пудов, тогда как рельсы в шахте были оставлены прежние, поскольку средств и материалов не было. При несчастном случае это бы не послужило ему оправданием¹⁹.

Помимо этого, специалисты при ведении горных работ давали подписку, содержащую пункт, что «отсутствие материалов не снимает ответственности с давшего подписку». На Первой краевой конференции ИТС союза горнорабочих в 1926 г специалисты ставили вопрос о «переработке подписок старого образца в сторону действительности и целесообразности»²⁰.

К производственным ошибкам вело и то, что вследствие дефицита квалифицированного технического персонала специалистам приходилось в силу необходимости выполнять работы, не имея должных знаний и опыта. Именно по этой причине

¹⁰ См.: ГАКО. Ф. П-500. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.

¹¹ См.: *Инженерный труд*. 1926. № 5. С. 217.

¹² См.: *Инженерный труд*. 1927. № 4. С. 148.

¹³ См.: *Инженерный труд*. 1929. № 6. С. 84.

¹⁴ *Инженерный труд*. 1927. № 5. С. 210.

¹⁵ См.: ГАНО. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 14. Л. 35 об.

¹⁶ Там же. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 101. Л. 67.

¹⁷ Там же. Л. 8 об.

¹⁸ Там же. Л. 41.

¹⁹ Там же. Д. 28. Л. 9.

²⁰ Там же.

были допущены ошибки в расчетах с вентиляцией в Омске на заводе «Красный Пахарь» и в Кемерове на химическом заводе «Кузбасс-уголь»²¹.

На производственном процессе сказывалось и невыполнение своих обязанностей рабочими. В Кузбассстресте «камеронщик пустил насос, не открыв спускные краны – разорвало насос. Моторщик газовых работ запустил мотор, а сам ушел – мотор сгорел, в случае взрыва обвинили бы инженерно-технических работников»²². На партийных заседаниях «Северокузбассупля» не раз говорили о халатном отношении рабочих к делу, «ведут себя скверно в отношении к производству». Среди основных нарушений трудовой дисциплины как беспартийных, так и партийных рабочих отмечали халатное отношение к производству, порчу инструментов и хищение материалов, грубое отношение и угрозы администрации, а также невыходы на работу²³.

Следует отметить, что производственные ошибки в большей степени были обусловлены внешними обстоятельствами, нежели некомпетентностью или сознательным вредительством технического персонала. Инженер И. С. Дунтов на общем собрании ИТС Ленинградского губбюро среди причин, вызывающих несчастные случаи, в первую очередь отмечал неосторожность и небрежность самого работающего, необученность рабочего и неисполнение рабочими правил по технике безопасности²⁴.

При изучении случаев привлечения инженерно-технических работников к судебной ответственности ЦБ ИТС отметило «ненормальность» в положении этого вопроса: «... Большинство (около 80 %) привлечений к суду заканчивается полным оправданием, что свидетельствует о неправильном подходе с предвзятым решением о виновности инженерно-технического персонала при наличии несчастного случая в производстве. Помимо этого, инженерно-технический персонал привлекается за наличие самих несчастных случаев, даже тогда, когда им выполнены были все необходимые мероприятия по технике безопасности»²⁵.

Положение технического персонала усугублялось сложными взаимоотношениями с технической инспекцией и отсутствием квалифицированных инспекторов. «Инспекция не пользуется авто-

ритетом, она измеряет свою работу не сущностью, а количеством предписаний и привлечений к ответственности»²⁶.

Сущность дел, возбужденных технической инспекцией, видна из следующих цифр: в Прокопьевске из 54 случаев привлечения к суду специалистов 35 окончились прекращением дела или оправданием, в Анжерске из 50 дел 35 было закрыто²⁷. Кроме того, в Прокопьевске практически весь инженерно-технический персонал имел подписки о невыезде.

В 1925 г ИТС получили право на обеспечение защиты специалистов на судебных процессах и проведение необходимой экспертизы. С 1926 г представители ИТС стали входить в число народных заседателей при рассмотрении дел специалистов, а также выступать в качестве экспертов-защитников во время следствия и слушания дел. Но данная практика не всегда была возможна. «Несмотря на наличие определенного закона о допущении защитника со стороны ИТС, когда она находит это нужным, не осуществляется, и в известный момент либо суд, либо союз говорит, что защита не будет допущена, без объяснения причин»²⁸.

Иногда сами специалисты отказывались от защиты со стороны секции. Так, член секции металлостроителей Томска, привлекаемый за бесхозяйственность в 1926 г, предложение секции выступить на суде в качестве защитника отклонил ввиду того, что он считал предъявленное ему обвинение не столь существенным и требующим вмешательства секции²⁹.

Об ограничении прав специалистов свидетельствовал и тот факт, что при рассмотрении конфликтов, связанных со специалистами, в РКК в 1926–1927 гг. представители секций участвовали с правом совещательного голоса, а представители администрации – с правом решающего голоса. От введения такого представительства ИТС в РКК не было никакой пользы³⁰.

Основная роль в защите интересов инженерно-технических работников, в частности правовых, возлагалась партией на профсоюзные организации – ИТС. На XI съезде РКП(б) в 1922 г в резолюции «Профсоюзы и спецы» партия отмечала, что только такое ведомство можно признать поставленным сколько-нибудь сносно, в котором ведется планомерная и да-

²¹ См.: ГАО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.

²² Там же. Л. 67.

²³ См.: ГАО. Ф. П-500. Оп. 1. Д. 17. Л. 62 об., 63.

²⁴ См.: *Инженерный труд*. 1925. № 3. С. 5.

²⁵ *Инженерный труд*. 1927. № 4. С. 149.

²⁶ ГАО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 101. Л. 71.

²⁷ Там же. Л. 71, 8 об.

²⁸ Там же. Д. 101. Л. 8 об.

²⁹ Там же. Д. 44. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 20.

ющая практические результаты работа по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защите и охране их интересов и т. д.³¹

ИТС неоднократно поднимали вопросы о четком определении прав, обязанностей и степени ответственности на производстве инженеров и техников. В частности, в 1925 г на Томской окружной конференции ИТС рассматривались вопросы регулирования и регламентации труда специалистов (загруженность, канцелярская работа, определение обязанностей, границ ответственности), установления системы охраны здоровья, гарантирующей твердые нормы времени отпуска, курортного лечения и проч., а также всемерного участия ИТС во всех вопросах правового характера, касающихся труда специалистов³². На Первой окружной конференции инженеров и техников Кузнецкого округа в 1926 г отмечали зачастую несправедливые обвинения инженеров и техников в производственных ошибках и призывали образовать комиссии для урегулирования правовых вопросов³³.

С целью решения вопроса четкого определения прав и обязанностей специалистов ИТС предлагали построить работу специалистов по функциональному признаку. Но функциональная система была возможна при достаточном числе инженеров и тех-

ников. Кроме того, четкому разграничению прав и обязанностей специалистов на производстве могла способствовать организация управления промышленности по функциональному признаку. Это предполагало создание отдельных плановых, проектных отделов экономики труда, что разграничивало бы деятельность инженерно-технических работников³⁴.

Таким образом, в период нэпа инженеры и техники находились в тяжелом правовом положении. Власть, стремившаяся привлечь специалистов до революционной школы к поднятию производительных сил и рационализации промышленных предприятий, уделяя большое значение их материальному положению, упускала правовое. В конце 1925 г партией были приняты соответствующие решения по вопросу правового положения специалистов, но до конца нэпа значительная часть из них не была приведена в жизнь. Определяющую роль в правовом положении специалистов играли органы власти на местах, в частности хозяйственные органы. Вплоть до конца нэпа отсутствовала четкая регламентация прав и обязанностей административно-технического и технического персонала. Это препятствовало развитию и проявлению творческой инициативы специалистов и отрицательно сказывалось на производственном процессе.

³¹ См.: *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 2. С. 490.

³² См.: *ГАНО*. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.

³³ Там же. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

³⁴ См.: *Инженерный труд*. 1927. № 4. С. 148.